

Мать и преждевременный конец ее войны или о природе интернациональных отношений

(Из книги „Поезд отправляется“

www.literatur-viktor-prieb.de)

На двух фронтах или о том, когда не выгодно принадлежать к двум народам сразу

Теперь, после того как их мужчины были призваны на войну, в лагере беженцев в Польше остались в ожидании своего жребия одни женщины, дети и старики. Они были правда все еще на территории Третьего немецкого рейха, который однако каждодневно со все большим ускорением двигался к своему исчезновению.

Американцы, наступавшие на западе на Отца, неожиданно получили в Арденнах возможность почувствовать – ими впоследствии очень ценимые и сразу после войны в их собственной армии введенные – качества элитных войск ЭсЭс, что обеспечило Отцу чуть больше времени для его военной подготовки.

В ответ на это русские на востоке обязались – по просьбе ошарашенных американцев о помощи – начать преждевременно их еще не до конца подготовленное и из-за этого стоившее им еще тысячи солдатских жизней наступление в Польше, чтобы помочь тем самым попавшим впросак американцам, а также покончить с неизвестностью Матери и решить ее судьбу.

Вскоре окончилась западная одиссея, похоже, забытых немцами немецких беженцев. Не сделав больше ни одного шага, они попали из Третьего рейха во вновь возникшую и стоящую пока под советским военным управлением Польшу – для немецких беженцев из России очень затруднительное и роковое положение.

Поляки с их чрезмерно раздутой национальной гордостью никогда не забыли и не простили многократную дележку их страны между русскими и немцами в последние неполных двести лет.

– Они убивали во время этой войны из-за угла и с одинаковым удовлетворением как русских, так и немецких солдат, если один из этих солдат имел несчастье появиться где-нибудь среди них в одиночку, – рассказывал как-то позже недолюбливающий после этого поляков Отец, но тут же справедливости ради добавлял:

– Вообще-то на поляков – после четырехкратного дележа их страны между русскими и немцами – за это обижаться нельзя. Каждый народ лелеет на свой собственный лад его проистекающие из истории горечи и обиды!

Только вот существовал один народ, который выпал из европейской истории, а именно выехавшие из Германии в Россию немцы. Они были на многие годы освобождены от военной службы и от налогов и тем самым не были причастны к политическим преступлениям ни России, ни Германии. У них хватало своих дел, чтобы выжить там, среди прекрасных, но диких степей Южной Руси и основать свое существование и культуру.

Однако эта тонко- и глубокоисторическая деталь не интересовала тогда – так же как и сегодня еще – ни одну националистскую свинью ни в России, ни в

Германии и уж во всяком случае ни в Польше, а также ни еще где бы то ни было на Свете. Особенно тогда, если речь шла или идет о каких-либо актах мести или требованиях на возмещение убытков.

Эти состоящие из женщин, детей и стариков – то есть из их слабейших представителей – семьи немцев из России, которые теперь должны были вновь отвечать за тайный пакт Сталина-Гитлера или Молотова-Риббентропа или кого-то там еще от 1939-го года, были – смотря чисто технически или арифметически – двойной и при этом легко доступной добычей для поляков. Прикончить одного немца из России было то же самое, что забить одного русского и одного немца: *убить двух мух – именно – одним ударом!*

Человеческие инстинкты или о прививках от бомб и о благоразумии выживания

Беженцам сразу же дано было это почувствовать. Их лагерь был обнесен колючей проволокой и поставлен под охрану вооруженных поляков. Не было почти никакого питания. На каждую жалобу отвечалось садистскими изречениями.

– Для чего вам питание? Мы вас, фашистское бабье, все равно скоро расстреляем! – «веселились» польские охранники, когда Мать однажды пожаловалась им на плохое питание.

Через несколько дней таких издевательств лагерные женщины сошлись вместе держать совет.

– Военное управление нас, похоже, совсем забыло в этом полном бардаке, и у нас остался всего лишь один единственный шанс – одна из нас должна выбраться отсюда и доложить русскому коменданту о нашем положении! – порешили они и обосновали это тоже:

– Мы живы еще только потому, что поляки боятся русской военной власти и не очень уверены в своем деле. Но это нам не надолго поможет!

Этот взгляд разделяли все собравшиеся. Единственное, что надо было решить, кто же должен идти посыльным, хотя и этот вопрос был ясен с самого начала. Почти ни одна из этих немецких женщин не говорила правильно по-русски. Мать была единственной, чей смоленский диалект мог заменить любой пропуск у каждого русского солдата. Она уже оказала свои услуги как переводчица и посредница между русскими офицерами и солдатами и жителями лагеря, когда лагерь беженцев был «освобожден» Красной армией.

Но тут была одна проблема – Мать скорее была готова умереть вместе со своими тремя маленькими детьми, чем оставить их хоть на один миг без присмотра. Ее материнский инстинкт пересиливал все остальные чувства и любое благоразумие.

Благоразумия больше и не было уже давно в этом рушащемся мире с миллионами и миллионами мертвых, искалеченных, раненых, сосланных, изгнанных и бегущих. Сам факт, что эти вырванные с корнями, обессиленные и забытые женщины и дети – эти пылинки в самом центре сокрушительного урагана – оставались еще в живых, выходил за границы всякого разума и благоразумия!

Это чудо человеческой жизни, когда в ситуациях, где всякий человеческий разум и всякое придуманное только людьми и действующее только для людей благоразумие отказывают и больше не помогают, люди возвращаются к своим

звериным истокам, к самым сильным природным инстинктам, таким как инстинкт самосохранения или еще более сильный материнский инстинкт сохранения жизни детей и, только благодаря им, выживают иногда на некоем недостойном человека зверином уровне! На таком уровне, что после того они сами не могут поверить, как это вообще было возможно. Выживать, не думая даже о том, благоразумно ли еще это выживание и имеет ли оно вообще еще какой-либо смысл!

У Матери этот вопрос об иерархии инстинктов решен был уже давно. Она уже почти свыклась с мыслью, что отныне смерть неизбежна и была бы даже избавлением для них! Единственное, чего она в этой ситуации еще желала и на что могла еще повлиять, было – встретить эту смерть вместе со своими тесно обнятыми ею детьми.

Еще до того как пришли русские, но их бомбы и снаряды уже свистели мимо ушей беженцев, это проявилось и на практике. Немецкий порядок еще царил более или менее в их лагере и, согласно ему, дети должны были получить прививку в вагончике DRK¹, быть там вымыты и ухожены.

Мать боролась, как пантера, с тремя медсестрами, которые с этой целью хотели забрать с собой ее детей в их вагончик. Она ничего не хотела знать о том, что все это делается для блага ее детей. Она знала только одно – против бомб нет никаких прививок и, если эти бомбы придут, то она должна быть со своими детьми.

Медсестры были вынуждены звать на помощь, чтобы осилить Мать и все же забрать детей с собой. Дети получили их прививки, молоко и уход и остались в вагончике на ночь. Но и после того еще кружила Мать, стеная, всю ночь вокруг вагончика, пока не получила на следующий день своих детей в целостности и сохранности.

Вылазка в коммандатуру или о том, когда выгодно принадлежать к двум народам сразу

На этот раз женщинам понадобилось тоже не меньше времени, чем тем медсестрам, чтобы убедить ее в том, что они во время ее отсутствия будут приглядывать за ее детьми лучше, чем за своими собственными. Решающим для Матери был, в конечном итоге, проблеск надежды на спасение жизни как ее собственных, так и других детей, а также и всех этих людей.

Вечером, после наступления сумерек, женщины пересадили Мать через колючую проволоку наружу, и ожидание началось. Мать избежала польской охраны и пошла к вокзалу, где находилась, как она знала, русская коммандатура. Дорогу она тоже знала – они были уже достаточно долго в этом городе, и Отец простился с ней и с их детьми тоже на этом вокзале, перед тем как его вместе с другими товарищами по несчастью затолкали в поезд, и поезд отправился на войну.

На этом вокзале она пообещала ему присматривать за детьми и провести их невредимыми сквозь эту адски-космическую беду, если только для этого предоставится хоть малейший шанс. А он пообещал ей найти их – не важно, куда их занесет, и вернуться к ним из войны – не важно, совсем целым или наполовину, здоровым или полумертвым.

¹ Deutsches Rotes Kreuz – Германский Красный Крест (нем.)

Так как у них не было постоянного и длительно действующего почтового адреса, то они договорились пользоваться адресом сестры Отца в Бензеле в Германии для обмена письмами и для того, чтобы потом найти друг друга. Поэтому этот адрес – эта мерцающая в кромешной мгле нить Ариадны – должен был храниться как самое большое сокровище.

Так послала Мать своей снохе их семейную, снятую в день расставания с Отцом фотографию – единственное, таким счастливым образом сохранившееся с войны фото, которое потом, через десятилетия, не сберегшая ничего архивного из этого времени Семья получила присланным «назад» от Тети из Германии в Сибирь.

На этом фото они были сняты все впятером – все в парадной форме: Отец в костюме с галстуком, стоя во весь рост над своей семьей – орел над своим гнездом, которое он, правда, должен временно покинуть и поэтому хочет продемонстрировать другим свое покровительство; Мать в строгом, темном платье, сидя немного впереди рядом с Отцом и доставая головой только-только до его груди; меньший сын, сидя у нее на коленях; дочь и старший сын, прислоняясь с обеих сторон к ее коленям. Все смотрят напряженно вперед, как будто стараются высмотреть в этом «переды» свою будущую судьбу.

Вблизи вокзала счастье покинуло Мать, и она была схвачена польским патрулем:

– Пся крив! Где твои бумаги и что ты делаешь в городе после комендантского часа? Фашистская шпионка! – решили они, после того как Мать попыталась им что-то объяснить по-немецки, и уже сняли с предохранителей свои винтовки.

– Это конец..., – промелькнуло в голове Матери. – Мои бедные дети-сироты!

Мысль о детях дала ей еще немного мужества, плача закричать по-русски, который поляки тоже более-менее понимали:

– Я русская из лагеря беженцев и иду к русскому коменданту.

Это подействовало. Мужчины при словах «к русскому коменданту» сразу утратили свою решительность, спустить курок.

– Хочешь пожаловаться ему? – последовал провокационный вопрос.

Они были из одной и той же казармы и либо патрулировали на улицах, либо охраняли лагерь, поэтому хорошо знали, на что там было жаловаться.

– Нет! Мои дети так сильно заболели, что я с отчаяния покинула лагерь и хотела попросить у господина коменданта немножко лекарств! – нашлась Мать, сжимаясь от этого греха и внутренне молясь:

– О, Господи! Прости мне эту ложь и огради моих детей от любой болезни! Я знаю, что я грешу, но что же я еще должна делать, чтобы спасти себя и своих детей?

Немного подумав, поляки заперли ее в железнодорожную будку, собираясь обсудить это происшествие со своим командиром и найти безопасное для себя решение.

Мать осталась в полной темноте, в тесном, заполненном инструментами помещении. Она выла и стонала по-русски громко и непрерывно почти всю ночь напролет:

– Боже мой! О, Боже мой! Я это знала! Во что я только ввязалась! Что теперь будет с моими детьми? Они остались теперь совсем одни в этом ужасе и никогда его не переживут! Я нарушила свою, данную Отцу клятву и оставила их в беде! Будь я проклята Богом на веки веков!

– Эй, баба! Чего ты там воешь внутри, и кто тебя туда запер? – услышала она, вдруг, снаружи мужской, говорящий по-русски голос. – Ты что, русская?

– Да, сыночек! Да, братик ты мой! Я русская из Смоленска, а польский патруль меня сюда запер и хотел застрелить! – вскочила окрыленная новой надеждой Мать.

– Ну погодите же, сволочи! Я вам покажу, как здесь положено обходиться с русскими людьми! – ругался снаружи солдат, с грохотом молотя прикладом своего автомата по замку на двери. – Вы этого никогда не забудете. Не за это мы проливали свою кровь, пока не дошли сюда, чтобы вы теперь могли издеваться над нашими бабами!

Замок пал. Мать выбежала наружу и увидела перед собой в свете утренней зари молодого лейтенанта в русской полевой форме со всерьез яростным лицом. Мать рассказала ему все, не вдаваясь, впрочем, особо в детали всей своей истории. Что поляки уже несколько дней держат в лагере под арестом угнанные немцами и желающие теперь домой семьи из России, издеваются над ними своими постоянными угрозами, а в остальном совершенно не заботятся об этих семьях и обрекают их на голодную смерть.

Лейтенант отвел ее к коменданту. В кратчайшее время два поляка из патруля были схвачены и так же представлены перед комендантом. Они стояли перед комендантом, дрожа и заикаясь, в то время как он давал волю своей ярости, кричал на них и грозился в свою очередь их всех перестрелять.

Выяснилось, что семьи беженцев были оставлены на попечение польского гражданского управления с приказом их до их репатриации расселить, а не садить за колючую проволоку, и в остальном обходиться с ними как с советскими гражданами, то есть их кормить и защищать.

В надежде, что у русских и без того достаточно дел и хлопот и что они тут же забудут этих беженцев, что, как показала история, и оправдалось, поляки для начала забыли этот приказ и обходились с беженцами так, как это было по душе им.

Путешествие в Сибирь или о том, как невыгодно людям оказываться на пути великих исторических событий и попадать под колеса мировой политики

Благодаря приключению Матери, этот «молчаливый заговор» поляков был сейчас раскрыт. Мать привезли в лагерь к ее оставшимся в полном здравии детям, где она все рассказала своим поделницам. Теперь, когда русский комендант взял дело в свои руки, все развивалось стремительно.

В следующие дни, в течение которых их охраняли – скорее от нападения поляков – русские солдаты, была проведена, без всякой особой фильтрации – было бы и тяжело приписать что-то преступное этим женщинам и детям – поголовная репатриация, означающая ничто иное, как их поголовную депортацию в Сибирь.

Они колонной промаршировали к тому же самому вокзалу и были битком набиты в скотские вагоны – единственное, очевидно, представляющееся

ответственным лицам того времени соответствующим, средство личного передвижения для насильственного перемещения, угона и ссылки неизмеримо огромных и ставших безличными человеческих масс.

Скотский, ссыльный поезд отправился на восток.

Ее жизнь и жизнь ее детей были, для начала, спасены, и война, как таковая – со слепо буйствующими вокруг бомбами и танками – для них, таким образом, миновала. Многомесячный, неопикуемый путь страдания вел в Сибирь, к их депортированным туда еще в начале войны отовсюду из бывших немецких колоний соотечественникам. Они принадлежали таким образом к двустам тысячам немцев из России – женщины, дети и старики, прежде всего, без их призванных на немецкую военную службу мужчин –, которые были достигнуты на путях их бегства Красной армией и испытали подобную же участь.

Они ехали долго и мучительно, со многими долгими промежуточными остановками, с голодом, холодом, болезнями и многими – до тридцати процентов тех двухсот тысяч угнанных – умершими в пути. Война на западе шла к концу, и победа над Германией была скреплена между Союзниками договором поставить теперь совместными усилиями на колени последнего из тройственной оси – Японию.

Для русских это означало, совершить транспортное чудо – чудовищное скопище их войск с закончившегося Западного фронта переместить на десять тысяч километров восточнее. Все это через игольное ушко под названием «Транссибирская железнодорожная магистраль», которое к этому времени было заткнуто тащившимся где-то по бесконечности этой магистрали скотским поездом с Матерью и с детьми.

Их поезд был сметен прочь и должен был на каких-то запасных путях ждать, пока также и японцы не будут задавлены этим мощным движением войск, машин и в последнее время атомных бомб, вместо уже устаревших как средство достижения победы огненных смерчей в городах Германии после их тотальной бомбежки англичанами и американцами.

Так что – после этого длительного отстоя – они въехали прямо в сибирскую зиму и прибыли в полностью заснеженный Новосибирск при морозе в минус тридцать градусов. Здесь их очередной раз рассортировали и разделили. Некоторые были выгружены в городе как рабочая сила для заводов и фабрик, другие распределены по окрестным деревням.

Мать с тремя детьми и вместе с оставшимися немецкими семьями, с которыми она уже два года была в пути по этой огромной дуге от Пришиба через Польшу до Сибири, попала в одно удаленное километров на сто от Новосибирска свинохозяство как обслуживающий персонал для свиней, была помещена в одной лачуге вместе с двумя другими семьями, а годом позже переселена в ту самую хижину у Кладбища, в которой она могла теперь дальше молиться за Отца и ждать его дальше.

*